

ЛИТЕРАТУРА КАК ЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наталья Петровна Дворцова

Окончила с отличием ТюмГУ (1977), аспирантуру на кафедре теории литературы МГУ (1984). Кандидат филологических наук (1984). Доктор филологических наук (1994). Профессор (1995). На кафедре русской литературы работает с 1984 г. Научные интересы — проза Серебряного века, современная, в том числе региональная, литература. Основные публикации: М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов). Тюмень, 1995; Пришвин // Русские писатели XX в. М., 2000; Экстерриториальный писатель (о литературной репутации М. Пришвина) // Вопросы литературы. 2004. № 1.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ТЮМЕНИ (к постановке проблемы)

В современной науке рассуждения об альтернативных путях развития русской литературы утрачивают статус экстравагантной гипотезы. И хотя «альтернативные отношения в литературе как общий, весьма существенный системный элемент до сих пор последовательно никем не рассматривались» [Пенская 2000: 11], в литературоведении складывается традиция изучения альтернативных возможностей (альтернативной поэтики, идеологии, альтернативного языка, альтернативных персонажей и т. д.) литературы. А. И. Журавлева пишет об оппозиции «московской» и «петербургской» поэтической культуры (типов поэтической речи) как о «состоявшейся альтернативе» в русской литературе [Журавлева 2002: 29]. Е. Пенская выстраивает «типологию русской литературной альтернативы», выявляет особенности развития «альтернативной поэтики» в русской литературе XIX в. [Пенская 2000].

«Культурологический и философский смысл «альтернативы» заключается в противопоставлении, противопоставлении господствующей норме, утверждению другой стратегии, другого способа существования в культуре», — пишет Е. Пенская [Пенская 2000: 11]. С этой точки зрения очевидно, что феномен альтернативы характеризует не только общероссийскую литературу, вне его невозможно понять развитие региональной литературы и культуры в целом.

В XX в. альтернативная (неофициальная, неконформистская) культура — это культура противостояния (идейного, эстетического, «стилистического» и т. д.). В советские времена она была антитезой социалистическому реализму, разрешенному, «служилому» искусству, в постсоветские — массовой, коммерческой культуре. Альтернативная культура — в ряду таких понятий, как богема (а иногда отождествляется с ней), внутренняя эмиграция, культура сопротивления, диссидентство. В 1950-е–1980-е гг. она совпадала с феноменом андеграунда. Сегодня она сближается с понятием элитарной культуры, противостоящей общепринятым, массовым вкусам, а нередко и классическим образцам. Это авангардная по духу культура поиска и эксперимента.

Альтернативная культура Тюмени — разнородный, разноголосый, разноречивый мир. Она создается очень разными людьми, у них разные творческие принципы и стилевые манеры. В рамках этой культуры парадоксально сочетаются поэзия бунта и отрицания, социальный пафос, изощренность культурного опыта, культ Танатоса, мистика тьмы, тоска и ужас обезбоженной души, порыв к изначальной простоте и естественности, детскость, ирония и самоирония, уязвимость страдающей души.

Большинство «альтернативных» художников так или иначе тяготеет к неоавангардистским (модернистским) или постмодернистским тенденциям в развитии современного искусства. Но, пожалуй, главное, что их всех объединяет, — талантливость, дух свободы и чувство стиля. Все это, безусловно, присуще, например, поэтическим миниаторам А. Шлякова и В. Медведева.

Расчленение

*Две линии слились в одну — дорога.
Украл у оленя рог — он стал единорогом.
Украл у картины раму — стало полотно.
Ну украдите у Барбоса жизнь — А что потом?*

А. Шляков

Замкнутость

*Квадрат пространства мучает меня.
А круг?
Уже замучил.
Как мало замкнутых фигур,
Способных излечить мою больную душу.*

А. Шляков

Пограничное состояние

*Я голову ломал, что за мужик.
Здесь без головы лежит.
Потом вдруг понял — это я лежу
И головы своей не вижу.*

В. Медведев

Важнейшая тема альтернативного искусства — тема нарушения естественного миропорядка; зла, царящего в мире; бессмысленности жизни. «Русские цветы зла» в XX в., с его опытом тоталитаризма, мировых войн, обрушившейся на людей социальной свободы, расцвели особенно ярким и зловещим цветом. Природу зла в XX в. исследуют величайшие писатели, такие, как В. Шаламов, А. Солженицын, В. Астафьев. Позиции художников при этом различны: от противостояния злу до его приятия и эстетизации.

В стихотворении А. Шлякова «Neuen ordnung» осмысливается страшная сила зла, его не только социальная, но и метафизическая природа и ищутся возможности неприятия зла, противостояния ему:

*Толпа святых стоит у кабака.
Кобыла пьяная, шатаясь и глаза,
Забил насмерть ветерана-старика.
Она везла в собор бурдюк с елеем.*

*Колонна шлюх идет в молеальный дом.
Звонарь-еврей сорвался с колокольни,
Ногой задел за полумесяц, названный серпом,
И купол церкви залил черной кровью.*

*И насмерть бьется свора детворы
За право разместить под свастикой иконы,
За право разжигать на мертвом кладбище костры.
Я не хотел бы с ними быть знакомым.*

В творчестве К. Рыбьякова с его постмодернистским духом, играми в бисер мировой и русской культуры — играми пустой души в обезбоженном ею же мире — отчетливо звучит тема замороженности силой зла, заигрывания с ним, его эстетизации.

Пустота

*Ты слышишь эту пустоту? — она идет за нами следом.
Ее Гомер сравнил с Эдемом, как новогоднюю мечту.
Ее раскрашивали эльфы, но краски превращались в сажу
И растворялся мир бумажный и воплощался в темноту.*

*А в темноте мы пели гимны, друг друга трогали руками,
Искали кольца Соломона, чтоб небо треснуло над нами.
Но оказалось все излишним, без формы и без содержания.
Глотая с косточками вишни, что ты мне скажешь на прощание...*

*Что никакого Бога нету, что все стирается с годами,
Душа — враждебная пустыня, и лишь личина перед нами.
И только бесконечность чисел, и только вечный мертвый космос,
И только ненадежность мысли, и только твой спокойный голос...*

К. Рыбьяков

Для К. Рыбьякова мировая культура — родной, хорошо знакомый дом. Дионис, Аид («Буду с Дионисом и Аидом Космос облетать и песни петь», Конфуций, Д. Бруно, Рабле, Ж-Ж. Руссо («Мне Жак Руссо играет на баяне»), Фрейд («Сквалыга Фрейд опять нажрался, в борделе буйствовал всю ночь»), Шуберт, Лермонтов, Бродский и мн. др. — для него друзья и собеседники. Однако деконструкция культурного опыта человечества приводит его лишь к ощущению бессмысленности и жизни, и смерти, а мировая культура предстает у него как мертвецкая. («В Мертвецкой» — так называется один из последних альбомов группы «Кооператив Ништяк»).

Глаза иного мира

*Я выйду в одиночку на дорогу.
Где сквозь туман не видно ни черта,
Где ночь тиха, где вечно внемлет богу
Загадочная русская страна.*

*Где в небесах торжественно и чудно
Несутся, словно воблы, облака,
Где нам, как грекам, нестерпимо трудно
Воздвигнуть пирамиду из песка.*

*И наша кровь все жиже год от года.
Последний камень — как могильный крест.
А впереди — туманная свобода,
Ужасный космос и холодный блеск*

Глаз, наблюдающих за нами из могилы.

Поэзия В. Медведева представляет другой полюс тюменской альтернативной культуры. В ней нет погружения во тьму мира и собственного «я», однозначной серьезности противостоят ирония и самоирония, соединяющиеся с мощной лирической стихией.

Без названия

*Казалось — мир застыл в одном мгновеньи.
Молчали телеграф, газеты, телефон.
Две стрелки на часах застыли без движенья.
Молчал и я, я тоже был влюблен.*

В. Медведев причастен постмодернистской традиции демифологизации и демистификации советского (и постсоветского) сознания, когда на языке иронии и игры разрушаются, идеологически опустошаются советские (и современные) мифы, властно живущие в головах и сердцах наших современников. при этом поэт не надевает на себя маску борца с режимом, а предстает, скорее, в образе мальчика из известной сказки о голом короле.

Космонавт

*Стою на трапе, как космонавт.
Скафандр новый, нигде не жмет.
Не просто плясую на облака —
Космос меня зовет.*

*Черные дыры, как бельмы в глазах.
Защемило что-то в межзвездной тоске ...
Гермошлем запотел, или просто слеза
Пробежала, скупая, по небритой щеке.*

*Рванет ракета, обгоняя дни,
Чтоб я оказался в иных мирах.
На пыльных тропинках там ждут друзья
На трех, четырех и пяти ногах.*

В творчестве В. Медведева, как нам кажется, очень сильное мифологизирующее начало: разрушая (деконструируя) мифы массового сознания, он не отказывается от ощущения мифологической глубины мира. Возникает впечатление, что он может создать, точнее, открыть миф любой вещи или явления:

*Это совы в дремучем лесу
Мохнатыми тварями сна,
Умами простых голов
Насекомых, зверей, грибов,
Расположенных меж ветвями
И в призрачной коре стволов.*

Герой поэзии В. Медведева обладает редчайшим даром — удивляться, воспринимать мир как нечто неизвестное, таинственное и дивное:

*А мир лежал суровый и бездонный.
(Словами это объяснить нельзя).*

Мир у В. Медведева незавершен, открыт для понимания. Поэтому он любит строить стихи, предлагая читателю на выбор несколько вариантов одного и того же поэтического события. Поэтому интонация вопрошания для него важнейшая:

*О чем размышляет птица?
Ничтожной своей головой?
Какие приходят ей мысли?
Качаясь на ветке кривой?*

*Вертя головой бестолковой?
Зачем она песни орет?
Зачем садится на провод?
Все тщетно. Никто не поймет?*

История альтернативной культуры Тюмени пока не создана. Ясно, что столица главного нефтегазового региона России была городом отчетливо выраженной официальной культуры, ориентирующейся на соцреалистический канон и его культивирующей. Дух альтернативы наиболее властно проявил себя в Тюмени в 1980-е гг., а затем и в последнее десятилетие XX в. В этот период в городе возникает феномен, получивший название тюменского рока, рождается миф о Тюмени как городе рок-культуры (группы «Инструкция по Выживанию», «Кооператив Ништяк», «Центральный гастроном», «НЕВА», «Sandwich Shoes», «А. Т. О. М.», «Браунинг», «Система Безопасности» и мн. др.). Рок-культуре по духу близко искусство самиздатовских журналов, бум которых наблюдается в это время («Сибирская язва», «Темень», «Анархия», «Буэнос-Айрес», «Военно-медицинский журнал», «Ништяк», «Чернозем» и др.).

В пространстве рок-культуры так или иначе рождается новая — другая — тюменская литература (Р. Неумоев, А. Струков, К. Рыбьяков, В. Медведев, А. Шляков, В. Кочнев, Д. Колоколов, В. Богомяков и др.). Безусловные вершины этой литературы — М. Неми-

ров и А. Михайлов, творчество которых стало частью не только тюменской литературы, но представляет русскую литературу рубежа XX–XXI вв.

Из духа альтернативы рождается также целое поколение художников так называемого нового искусства (А. Чемакин, Н. Пискулин, С. Перепелкин, А. Ердяков, О. Трофимова, И. Сашнева, Т. Вершинина и др.), с которыми связано становление школы тюменского дизайна и которые сегодня определяют уровень развития художественной жизни города.

Расцвет альтернативной культуры в Тюмени 1980–1990-х гг. определен, очевидно, тем, что она творилась детьми «романтического» поколения 1950–1970-х гг., освоившего Тюменский Север и создавшего крупнейший нефтегазовый комплекс России. Дети этого героического поколения, творческие силы которого ушли на преобразование громадных необжитых пространств, обнаружили, что Тюмень — «глухая глухомань» (М. Немиров), и искусство стало для них альтернативой беспросветной провинциальной жизни, тем более, что властвовавший на этих пространствах дух творчества уступал свое место духу разрушения и перемен.

Настроение, из которого рождалась «другая» культура Тюмени, прекрасно передают следующие строчки М. Немирова:

*Выходишь на улицы скорбеть по ушедшей весне,
Осуществлять деяния, которые делать нудно,
Ибо являют собою сплошное одно только «не»:
Не говорить — не встречать — не вспоминать — не думать.
Выходишь на улицу думать о том и о сем,
Стих сочинять, дабы миру хоть как отомстить.*

Впрочем, нельзя не отметить, что дух альтернативы — древний дух тюменской земли, его можно даже назвать духом этого места, во всяком случае — одним из них. Вспомним, что, возникнув в 1586 г. как первый город Сибири, уже через несколько лет — после рождения и возвеличивания Тобольска — Тюмень становится вторым первым городом Сибири. На протяжении всей истории в ней уживался уездный и губернский, районный и областной, столичный, город.

Кроме того, Тюмень почти сразу же после основания становится местом ссылки разного рода неугодных власти — альтернативных — личностей. Да и сама Сибирь, воротами которой осознавала себя Тюмень, была некоей другой Россией. Умение жить с другим, не похожим на своего, поддерживала в тюменцах и духовная пограничность города, соединявшего Европу и Азию, Восток и Запад, русскую и татарскую культуру, юг и север Тюменской области.

Сегодняшняя альтернативная культура Тюмени достаточно последовательно осознает собственную самобытность, противопоставляя себя официальной культуре как культуре крепостной, вторичной («холостой стрельбе по уже пораженной другими цели»), то есть царству мертвых [Крымов 2001:114]. Авангардно мыслящим нашим современникам представляется бесспорным, что «все революционные литературно-музыкальные явления за последние двадцать лет происходили исключительно в «подпольной» области, так называемой контркультуре Тюмени, на стыке идей рок-сопротивления, поэтического экстремизма и их дальнейших трансформаций» [Крымов 2001: 112].

Более того, сегодняшние творцы альтернативной культуры признают ее неизбежность и необходимость не только в настоящем, но и в будущем. Так, Владимир Доронин, лидер группы «Система Безопасности», создал в 2002 г. нечто вроде манифеста с симптоматичным заглавием «Новый андеграунд, или Партизанская война XXI века». Живя на периферии, то есть в Тюмени, — пишет он, — я чувствую и понимаю, что мы попадаем, даже непроизвольно, в состояние андеграунда — андеграунда духовного... Тем, кто занимается более или менее немассовым, антипошлым, независимым, элитарным, интеллектуальным видом деятельности, приходится попадать в состояние андеграунда... Это единственный выход для многих музыкантов, художников, поэтов и просто людей с идеями, это способ избежать капкана общественных шаблонов» [Доронин 2004].

Подчеркнем, что слой альтернативной культуры в Тюмени чрезвычайно тонок. Причем слой этот характеризуется тенденцией к уменьшению, прежде всего за счет того, что наиболее дерзкие и талантливые, такие, как М. Немиров, А. Михайлов, И. Сашнева, становятся жителями столиц.

Данные социологического опроса, проводимого в Тюмени в октябре-декабре 2001 г., свидетельствуют о том, что только 2,7% тюменцев знакомо понятие элитарной литературы, хотя имя В. Сорокина известно 37,8% горожан, М. Немирова — 32,3%, Саши Соколова — 29,9%.

Культура Тюмени сегодня, как и вся отечественная культура, чрезвычайно разнообразна и полицентрична и этому нельзя не порадоваться.

Наш очерк альтернативной культуры Тюмени крайне неполон, субъективен и имеет целью обозначить само явление для его дальнейшего осмысления.

Список литературы

1. Вадим Крымов. Game over // Филологический дискурс. 2001. № 2.
2. Доронин В. Новый андеграунд, или партизанская война XXI века // Филологический дискурс. 2004. № 4.
3. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002.
4. Пенская Е. Проблемы альтернативных путей в русской литературе. М., 2000.